



Татьяна Правда

**В графе
отец--прочерк**

Татьяна Правда

В графе отец--прочерк

<https://litres.ru/73904841>

SelfPub; 2026

Аннотация

Светлана Жукова работает в аптеке санитаркой. Когда то она училась в университете, но учёбу пришлось оставить. Встречалась с парнем, забеременела от него, а он её бросил. Спустя восемь лет они встретились.

Содержание

Глава 1. Светлана Жукова.	4
Глава 2. Валерий Букин.	15
Глава 3. Светлана Жукова.	27
Конец ознакомительного фрагмента.	40

В графе отец--прочерк

Глава 1. Светлана Жукова.

Я второй год работаю в офисе менеджером по уборке помещений, уборщицей, проще говоря, впрочем, «работаю» — громко сказано, подрабатываю. Основная работа — санитарка в аптеке. Образования большого не получила, на втором курсе универа родила дочку от старшекурсника, воспитываю одна, и ещё ухаживаю за больной мамой, дочка помогает, конечно, ей уже семь лет, в сентябре пошла в школу, моя Катюша, красавица, умница, мама говорит, вся в меня. В меня? Я такая же умница была разве? Нет. Сколько помню себя, всегда была атаманшей. Первой заводилой во дворе, первой ученицей в классе, первой в плавании, первой... Во всём первой. Боец.

Только... Как я тогда с этим Валеркой Букиным пролетела? Сама не пойму. Я ведь в университет поступила сама, не хотела, подружки уговорили.

— Попробуй, Светка! Ты такая умная и везучая, вот на что хочешь могу поспорить, что поступишь! — Лида Камышникова уговаривала меня.

— Ага, поступлю, денег не хватит поступить, а на бюджетное отделение не прокатит. — Возражала ей.

Её поддержала девчонка из нашей компании.

— Да не трусь ты, Свет... — Наташа Волкова, тоже подруга, успокоила меня. — Не поступишь так не поступишь, попробовать-то можно.

И я решилась. То ли и правда везучая я, то ли по какой-то ещё причине, но в университет я поступила, сама удивилась.

— Ну вот, подруга! Отметить надо нам это событие, девчонка с рабочей окраины и в такой престижный универ поступила, где только детки «бизиков» учатся.

Лида всех бизнесменов «бизики» называла. Сейчас она меня удивила, да эти детки «бизиков» на таких, как я, и не посмотрят. В общем, отметили моё поступление, бутылку вина на шестерых выпили, я один маленький глоточек только, остальное Наташка, Лида, Санёк с нашего двора, Димка и ещё Аня. Вот и всё.

Началась моя студенческая жизнь, правда, продлилась недолго... Полтора года. А случилась тогда у меня любовь, да... Валерка Букин, он на четвёртом курсе учился, ох и влюбилась я тогда, голову совсем потеряла.

Валерка был из богатой семьи, но с мажорами он не контактил... Почему? Непонятно. Отца его называли бандитом, нечестным человеком, выбившимся «из грязи да в князи», и сына не принимали мажоры в свою компанию, он как-то особняком держался, так, пара-тройка друзей была у него, и всё. В общем, не любили Валерку пацаны, зато девчонки любили. Да ещё как! И меня эта участь не миновала. Влюбилась, как последняя дура! А он? Мне казалось, что и он меня

любит, если уж быть честной, то внешне я неплохая, а Санёк Жабин вообще сказал, что я самая красивая в нашем дворе.

Может, и так, а может, и нет, но из всего первого курса именно меня Валерка заметил, а может, просто для смеха со мной решил закрутить интрижку. Сначала я не хотела никаких отношений с ним, а потом, после Нового года... Сдалась. Очутились мы с Валеркой в постели ровно через неделю после того, как стали близко общаться. Как так получилось, я просто не поняла. Он был первым у меня... «Светочка... Светочка»... Так меня называл Букин, любил? Нет. А меня... Любовь ослепила, оглушила и... Опустошила, когда я случайно услышала, как он смеётся надо мной... С друзьями, те подробности требовали, и он описывал им сцены нашей интимной жизни. Дурак что ли?

— Значит, в постели я огонь? Ты что творишь, Валер? — Посмотрела на него с обидой.

— А что? Или ты думала, что у нас всё серьёзно? Вот ты дура! Не думал. Соображай маленько, кто ты и кто я. Твой отец на заводе работает простым рабочим, а мать? Там же. Зачем ты мне? Побогаче есть.

Понятно всё, ну и катись к чёрту, разозлилась я, да я такая! Резкая и решительная. С того дня с ним даже разговаривать перестала, после узнала, что он с однокурсницей закрутил роман, плевать. Плевать-то плевать, а когда узнала, что беременна, поняла, что влипла. По самое некуда. Что там скрывать, извелась тогда вся, любила Валерку... А тут ещё

ребёнок... Едва закончила первый курс, перевелась на заочное, куда я с пухом на занятия? И заочно учиться не пришлось, да и ладно.

Валерке я не сказала, что беременна, сказала маме. Она всплеснула руками.

— Света... — И присела на стул. — Света... Учёба-то как теперь?

— Не знаю, мам... Ничего не знаю.

Родители меня любили, сильно любили, в обиду никогда никому не давали, да я и сама отчаянная.

— Может, аборт? — Неуверенно посмотрела на маму. — Что скажешь?

— Что? Никаких мне абортов!

Папа! Когда он вошёл, я и не слышала, от расстройства, наверное. Он прошёл, сел на диван рядом со мной.

— Кто отец ребёнка? — строго спросил он. — С нашего двора парень? Сашка Жабин что ли?

Ну ты и выдумал, «с нашего двора», да ещё и Сашку приплёл. Нет, конечно. Что сказать? Валерка Букин? Он все равно его не знает.

— Папа, он богатый, мажор, можно сказать... Да и не хочу я... У него другая.

Мой дорогой папа подумал о чём то, вздохнул и сказал.

— Ну и чёрт с ним, родишь, вырастим. Не вздумай мне что с ребёнком сотворить! Не прощу!

Вот такой тогда разговор с родителями у меня случился.

Катя родилась здоровенькой, на 3 500 кг. Вернее, даже я не сама родила, кесарили, сейчас почти всех кесарят. Родители души в ней не чаяли, любили внучку, папа говорил, что Катя на него похожа, мама говорила, что на неё, а мне казалось, что Катя Валеркина копия, такая же красотка. Как сложилась жизнь у Букина, не интересовалась особо, но слухи доходили, что он женился на Звонцовой Нателле, или как там её, она его однокурсница, та самая, с которой он после встречался, как живёт, не знаю, вроде даже в Москве живут. Чёрт с ним.

Мне не до Букина было, растила дочку, когда ей два годика исполнилось, семью постигло несчастье, заболела мама, приговор однозначный: онкология. Пять лет уже, сейчас она практически не встаёт с постели, сколько раз это химиотерапия, сколько лекарств, сколько переживаний, а толку никакого. Папа извёлся весь, они с мамой простые люди, у нас вообще простая семья, но любовь между ними чувствовалась всегда, они заботились друг о друге, я думала, и у меня такая же семья будет. Не получилось. Да не обо мне речь. Сейчас я забочусь о дочке и о маме, работаю в аптеке недалеко и подрабатываю неофициально в офисе, тоже от нас не так далеко, три раза в неделю.

— Да хватит тебе, Света, есть одна работа, официальная, не убивайся, заработаю сам. — Папа ругает меня.

А мне стыдно на его шее сидеть, сама да ещё Катя. Рабо-

таю в аптеке, да ещё... Подрабатываю.

Вот и сегодня домывала полы в офисе, остался кабинет главного. Секретарши нет на месте, значит и начальника нет. Знала, что сменился на фирме глава, да мне-то что? Пусть хоть чёрта лысого сюда главой ставят, помою пол да и уйду, я же здесь после рабочего дня убираюсь. Неофициально. Подошла к двери, на табличке знакомая фамилия: «Букин Д. Ф.», странно, впрочем, мало ли Букиных?

Открыла дверь, зашла с ведром, тряпкой и шваброй, опаньки... За столом начальник, что ли, сидит?... Остановилась нерешительно, кто же это? Валерка! Валерка? Как он сюда попал? Он тоже внимательно смотрел на меня. Вышел из-за стола. Знакомая, наглая улыбочка заиграла на его лице.

— Глазам своим не верю. Жукова? Да неужели? Сама Жукова, лучшая студентка первого курса политеха в прошлом, моет полы в моём офисе... Да... Докатилась.

Я молча смотрела на Букина, врага номер один. А он издевался надо мной.

— О, какая встреча! Да неужели сама Жукова? Ох, какая у тебя грязная работа, а всё от чего? Оттого, что ветреная, ай-я-яй, зачем в постель со мной ложилась? — Сказал так, наверное, чтобы сделать мне больнее, придурок, больнее ты мне уже не сделаешь, разозлишь только, а он продолжал. — Вот к чему приводит безрассудство. Учёбу бросила... От позора? Эх! Ну что молчишь? Не рада видеть, что ли? А вот я рад! — издевательски пропел Валерка Букин, яд так и тёк у

него с языка, как слюна из пасти французского бульдога.

Ты посмотри, он ещё рад. А ведь я едва узнала его, ну ещё бы, семь или восемь лет не видела, это что же получается, это он сейчас здесь главный? Фамилию-то я видела на табличке, но там инициалы другие, я и подумала, мало ли Букиных на свете?

— Что молчишь, красотка с первого курса? — повторил он. — Не замужем? А я женился... Счастлив. Вот так ложиться в постель ко мне, Светка! Ты... — Он не успел договорить, да сколько же про «постель» повторять можно? «Сколько можно унижать меня? Сколько можно смеяться, а?» — мысленно спросила его.

Больше терпеть такие унижения я не намерена, плевать, что будет после этого! Я никогда не была робкого десятка... Пока он смеялся надо мною, достала швабру из ведра и огрела Валерку, от растерянности и от неожиданности он замолчал, и я его изо всех сил звезданула второй раз. «Я тебе позиздеваюсь, тварь мажорская! Знала что ты подонок, но не думала что до такой степени.» — подумала про себя.

Сняла с себя перчатки и фартук, кинула ему в лицо.

— Сам помоешь свою келью!

С этими словами покинула кабинет и вообще офис Букина. Больше я в том офисе не работаю, хотя жаль, там хорошо платят.

Пришла домой расстроенная.

— Свет, что с тобой? Ты на себя не похожа, устала? —

Папа тревожно посмотрел на меня. — Говорю, хватит тебе на две работы разрываться.

И так хватит.

— Всё, пап, больше я там не работаю, ты прав, устала невозможно как.

Он кивнул головой. Зашла к маме, она спит, мама всё время почти спит после приёма лекарств, ей уже выписали уколы, которые выписывают неизлечимо больным, у которых онкология последней стадии.

— Ты маме укол сделал? — спросила папу, он, не поднимая глаз от газеты, кивнул головой.

Вздыхнул. В доме у нас давно тягостная тишина.

— Света, останемся мы без матери скоро, сон я сегодня плохой видел о ней. Вроде упала она в какую-то яму, а я, как ни пытался, не вытащил её.

Я молча слушала отца, да, сны они зачастую предвещают события, сама сегодня воду видела во сне, да мутную, вот поэтому и случилась нежеланная встреча с Валеркой.

— Я отпуск взял, поухаживать за Анютой в последние, вероятно, дни.

Папа всегда называл маму Анютой, она его Павликом. Такие у меня родители, повторяю, мы хоть и жили просто, но в любви, а это ценится дороже всякого богатства.

— Ложись, пап, отдыхай, мы с Катюшей приглядим за мамой.

Кто ухаживал за неизлечимо больными родителями, тот

поймёт меня, это такая мука — видеть, как на твоих глазах умирает мама или папа, неважно, важно то, что выдержать это невероятно тяжело, смотрю на неё, сердце кровью обливаётся, а сделать ничего не могу и помочь ничем не могу. Мама тяжело дышит уже, с хрипом, врач сказал, самое большее — неделю проживёт... А мне кажется, что и неделю вряд ли...

Утром спешили с дочкой, она на занятия.

— Мам, а что, если мы уйдём, ты на работу, я в школу, а бабушка без нас умрёт? — серьёзно посмотрела на меня Катя.

Может, и умрёт, но нам деваться некуда, надо идти.

— С ней дедушка останется, в случае чего позвонит нам. Скорее, Катюш, а то опоздаем, и нас ругать будут.

Мы побежали в школу, как хорошо, что она рядом, отвела дочку, сама в аптеку.

— Доброе утро, Мария Фёдоровна. — Поздоровалась с заведующей.

— Здравствуй, Светлана, ты, как всегда, вовремя, а вот Лида вряд ли вовремя придёт, всё время опаздывает.

Лида у нас фармацевт, только-только училище окончила, она племянница Марии Фёдоровны, заведующая хоть и ругает иногда её, но всё прощает.

— Мария Фёдоровна, у меня дочка в школу ходит, как же я могу опоздать, да и старше я Лиды, она девчонка пока.

Пусть спит.

— Это верно, и всё равно дисциплина, она и есть дисциплина, это я прощаю ей опоздания, в другом месте не простят. Я и сама вчера допоздна, гости у нас были, брат с женой да сын его. Вот тоже женился, а живут как чужие, второй год уже.

Интересно, зачем же тогда жениться было?

— По расчету женились, что ли?

— Да как сказать... Наверное, по расчету, семья Нателлы богата, вот Дмитрий и решил сына женить на ней, они учились вместе, симпатия вроде у них была, ну и... Поженились, а после началось. — Она вздохнула.

Я насторожилась, уж не Букин ли её племянник? Бывают же такие совпадения! Я думала, Мария говорила.

— Валера — умный парень, хороший, она его ни во что не ставит, эта Наташка, ой, Нателла, попробуй назови её Наташа, обидится на всю жизнь, гордячка та ещё.

Нателла, Валера... Точно он. Вот лажа! Ну не зло? Жил, говорят, в Москве, зачем сюда приехал? Да не пошёл бизнес, вот и приехал, одно объяснение. Значит, и с Нателлой у них не очень, ну-ну, так тебе и надо за твой ядовитый язык.

— Привет всем, я не опоздала? Тётъ Маш, прости меня, вчера Валерка от вас да к нам, проболтала с братом до утра, вот и маленько задержалась. — С порога затараторила Лида, как всегда свежая и весёлая.

Мария Фёдоровна вздохнула.

— Лида, не маленько, ты на полчаса опоздала, смотри мне, вовремя приходи. Ну вот о чём можно с ним до утра болтать?

Лида приводила себя в порядок, болтая на ходу.

— О, тётъ Маш, он любовь свою первую вспоминал, так интересно мне было, встретил, говорит, недавно... Сердце зашлось...

Вот придурок! Неужели меня? Надеюсь, хоть имя не назвал. Лида что-то ещё рассказывала тёте Маше, а я мыла пол, не обращая на них внимания.

Глава 2. Валерий Букин.

Ну, договорился, отхватил от Светки шваброй, вся рубашка грязная, ладно, костюм накину, не видно будет. Дёрнуло меня за язык! Посмеяться над ней решил, а почему? А потому что мне плохо! Вся моя жизнь кувырком пошла! Вся моя женитьба оказалась фальшивой, липовой, сейчас, глядя на семейные пары, которые идут рука об руку и ещё детишек маленьких ведут, я завидую. Почему у меня не так? Ведь и я так же хотел бы: семью любящую, счастливую, вот какое самое главное желание. А что получил, женившись? Холодную красоту Нателлы. Ох, как я её ненавижу!!! Впрочем, и не любил никогда. Наверное... А может любил? Не помню.

Вот и сейчас, приехав домой, бросил ей небрежно:

— Привет. Почему не собираешься? В гости к тётъ Маше не поедешь?

Снял костюм, на рубашке серые пятна.

— Это кто это тебя так обнял? Бомжиха, что ли, какая?

— Засмеялась она. — Да, Букин, докатился.

Права, докатился благодаря тебе.

— Я не спрашиваю, с кем ты обнимаешься, с бомжами или с Мишиным. Мне всё равно. — Ответил грубо, а ласково она не заслуживает.

Она скривила губы.

— Ой-ой-ой, «всё равно», — передразнила меня. — Ду-

маешь, мне не всё равно? Да вообще не волнует.

«Ну, если не волнует, так и разводиться пора». Подумал про себя и сказал.

— Давай насчёт развода подумаем. — Предложил. — Жить с тобой не хочу, семьи практически нет, а так... Противно.

— Что? Кто это тебе разрешит разводиться? Ты говори, да не заговаривайся. Развод. Потерять всё хочешь?

— Хочу. Пока не развелись, собирайся к тётке Маше.

Нателла отвернулась даже когда я тётке заговорил.

— Вот ещё, к тётке Маше, зачем мне твоя тётка Маша, да и зачем к нищим ездить? Твоя тётка, ты и поезжай к ней. Мне своих родственников хватает.

Моя тётка, значит? Нищая, значит?

— Как угодно. Пока. И знаешь, я серьёзно насчёт развода, всё, что есть, — считай, твоё, так согласна?

Она поднялась с дивана, пристально глядя на меня.

— Ты серьёзно, что ли? Жизнь сладкая надоела? — Сделала такое презрительное выражение лица. — А... Поняла, влюбился, мальчик?

Ох, как раздражал этот «мальчик», ты ещё как Эллочка-людоедка «парнишей» меня назови.

— Сладкая жизнь, спрашиваешь, надоела? Опротивела! Приторно стало, ты же знаешь, я не люблю сладкое. Не представляешь как не люблю, даже кофе без сахара пью! Влюбился, интересуешься? Так я давно люблю, ты знаешь кого.

Нателла хмыкнула.

— Светку ту? Фамилию забыла, ты не помнишь, как издевался над ней? Ну здесь ты пролетел, она давно замужем теперь.

Издевался... Помню. И сегодня издевался, пока шваброй не получил.

— Ну и что? Разве замужних любить нельзя? Ты же любишь Мишина, а он женат, между прочим, на твоей подруге. Не стыдно любовницей мужа подруги быть?

Глаза Нателлы метнули злобный огонь.

— Ты... Не смей в нашу дружбу лезть! Не твоё дело! Мишин — известный человек, не то что твоя... Светка — чёрная кость! И вообще, прекратим этот разговор, никакого развода я тебе не дам.

Я пожал плечами.

— Ну и зря, богатая невеста была бы, глядишь, и Мишин развёлся бы и на тебе женился.

— Валерий! Что с тобой, не пойму? Что произошло? Ты пошёл к Дмитрию Фёдоровичу посмотреть офис и что? Там пришёл к выводу, что нам развестись пора?

Я покивал головой, глядя на неё.

— Именно там. Пока. Приятного вечера.

— Дима, Лариса, Валера... — Тётя Маша обняла нас. — Мы с Константином Михайловичем ждём вас, сейчас Тимофей с Маргаритой подъехать должны и маленький Алёша.

Хотя уже и не маленький, шесть лет парню.

И снова позавидовал Тимке, у него семья, Маргарита, жена, очень хорошая из простых, ну не совсем, отец там бизнес крутит, малый бизнес, зато семья настоящая, сын Аёшка, счастье.

А я погнался за богатой... Светка... Снова Светка, разбредила ты душу мою, «чёрная кость», как тебя назвала Нателла. Зачем ты мне сегодня встретила? Я же теперь ни спать ни есть не буду, как тогда, когда ты с радаров пропала. Думал: «А... Пусть. Нателла есть», а после ох и пожалел, что с ней связался, с этой Звонцовой. Снаружи конфетка, внутри — труха. Сытая сладкая жизнь — предел её мечтаний. Всё! Больше интересов нет. Правда, есть салоны красоты, но, простите, сколько в них пропадать можно?

— Валера, ты почему такой грустный, а где Нателла? Она разве не приехала?

Я вздохнул.

— Нет. Не желает. Не переживай, тётя Маш, без неё веселее будет, ты же знаешь, какая она, всё ей не так, неправильно, этикет не соблюден. Оно нам надо? Вот и я о том же.

— Машенька, не переживай, она и к нам не приезжает. — Успокоил тётю Машу отец. — Считает, что мы ниже её уровня, поэтому должны преклоняться перед ней.

Мама только рукой махнула.

— Привет всем! — Алёшка прибежал к нам. — Мы приехали!

— Иди сюда, красавчик. — Поднял Алёшку на руки. — Большой какой, а!

— Валера, ты что? Я уже большой, сам бегаю везде, зачем меня на руки? — Он поманил меня пальчиком и тихо на ушко шепнул: — А у меня скоро сестрёнка будет, так папа с мамой сказали.

Ну надо же! Вот семья, позавидуешь.

— Поздравляю. — Так же на ушко ответил ему. — Это секрет?

Он заговорщицки посмотрел на меня.

— Пока да. Ты только никому не говори, мама с папой сами скажут.

Ну разве я могу обмануть доверие ребёнка? Конечно, никому не скажу, вскоре после приветствия со старшими Тимофей подошёл к нам.

— Здорова, Валерий, давно не виделись. Как ты?

Обнялись с братом.

— Не виделись, точно. Зато по скайпу болтали каждый день.

Он засмеялся.

— По скайпу не то. Твоя где? Не приехала. Ну она нас не жалует, Валерка, угораздило тебя на ней жениться! Я не упрекаю, ты мой брат, смотреть, как ты мучаешься с ней, не могу.

Сам не могу уже жить с ней, претит.

— Развестись хочу, пусть забирает всё, я заработаю себе,

отец фирму по недвижимости открыл, я риэлтором у него, образование есть.

— А что же в Москве не жилось, тесть полностью обеспечивал, квартира там есть.

Обеспечивал, это верно, только знал бы ты, Тимка, сколько мне обидных слов пришлось выслушать за эти годы. И альфонс я, и нахлебник.

— Вот это меня и мучило. Не хочу от кого-то зависеть, знаешь, Тимка, лучше вагоны разгружать пойду, чем так.

Тимка задумчиво посмотрел на меня.

— Согласен с тобой.

— Мальчики, к столу. — Позвала тётя Маша, мы не задерживаемся, к столу так к столу.

За столом все свои, жена Тимофея, Маргарита, простая женщина, она сразу, как говорят, «пришлась ко двору», мы её очень любим, весёлая, общительная, не высокомерная, как Нателла. Весело прошёл ужин, и уже за чаем Маргарита сказала:

— У нас новость для всех. Её Тимофей скажет.

Я-то уже знал, какая это новость, а остальные нет.

— Да. Поздравьте нас, скоро мы купим девочку себе. В общем, ждём ребёнка.

Тётя Маша вытерла уголком платочка глаза.

— Уже пол знаете, значит, срок порядочный, и молчите...

А-я-я-й, нехорошо.

— Поздравляем!!! — Мы все поздравили Тимку, Марга-

риту и Алёшку.

Она нас тоже поздравили с внучкой, с племянницей.

После ужина домой не поехал, решил к Лиде в гости, это тоже сестра двоюродная, дочь маминой родной сестры Натальи Ильиничны.

— Валерка, как хорошо, что ты приехал. — Обрадовалась Лида. — Идём, родители правда спать уже легли.

— Привет, Лида. Это тебе. — Как же без букета? Нельзя, я и тётъ Маше, и Маргарите, и маме всем купил, и Лиде с тётъ Наташей тоже. — А это тётъ Наташе. Принимай.

— Спасибо. Красивые.

Лида торопливо разместила букеты в вазах, накрыла стол и заварила чай.

— Садись, приезжий, поговорим.

— Да какой приезжий, я уже здесь давно. Хочется домой, Лидия, чужой город он и есть чужой.

Она как-то удивлённо посмотрела на меня.

— Так столица же... Ты что? Не рад был там жить?

— Нет. Не рад. Здесь я чувствую себя хозяином, а там чужим чувствовал себя. Давай прекратим этот ненужный разговор, мы у тётъ Маши были на ужине.

— Да? А я ведь в её аптеке работаю, считаю родной тётей, она меня тоже любит.

— Да я знаю. У Тимки скоро ребёнок родится, Маргарита беременна, девочкой. Так нам сказали.

Лида заулыбалась.

— Молодцы. А у тебя когда будет ребёнок, что там Нателла?

— Ты же знаешь её, не хочет детей, и вообще я развестись с ней решил, хватит.

Рассказал Лиде про свою любовь, Светлану, как обидел её, как встретил в отцовом офисе сегодня и как она меня шваброй два раза одела.

Лида засмеялась.

— Правильно сделала, Валер, ты зачем же так зло посмеялся над ней? Из-за тебя девчонка учёбу бросила, ей и так, наверное, несладко, а ты...

— Знаю. Сам не понимаю, как получилось. Мне плохо, так пусть и она... Ну бросила учёбу, гденибудь ещё бы выучилась.

— Может, причина была какая-нибудь. Не до учёбы было. А хорошо, что она тебя проучила шваброй. Издеваться над людьми забудешь. — Снова засмеялась Лида. — У нас в аптеке санитарка работает, так она тоже, говорит, бросила учёбу, забеременела на первом курсе, парень бросил её, родила девочку, а сейчас мама умирает, онкология, пять лет мучается, и химиотерапию несколько раз делали, а толку нет. Девочка у неё в первый класс пошла. Вот такие случаи бывают, вы ведь, мужчины, этого не понимаете. За дочкой ухаживать надо, за мамой тоже. Какая тут учёба?

Да. Наверное и такое бывает.

— Я ведь любил её сильно... А тут... Нателла со своими повёрнутыми мозгами, я обрадовался, когда она согласилась со мной встречаться, там такие у нас учились, она ни с кем, а со мной согласилась.

— А может, ей никто не предлагал? Может, знали, какая она? Мажоры то ваши, а? Она ведь одна из них.

Пожал плечами, может быть.

---- Может ты и права, Лид, ну что же засиделся я у тебя. Пора, а то на работу завтра и тебе и мне.

Обнял её, Лида, молоденькая ещё, ей только двадцать или двадцать один. Девчонка.

--- А ты когда замуж думаешь, а? Парень то есть?

Она смущённо улыбнулась.

--- Ну есть один...

--- И хорошо. Зачем тебе два то?--- Засмеялся над ней. --- Выходи замуж, рожай ребяток, нянчить приеду, у меня их нет, это плохо. Вон какой у Тимки Алёша... Мужик!

--- Большой наверное стал, давно не видела.

--- Большой.

Приехал домой, не знаю, дома ли Нателла, да всё равно, неважно. Утром едва проснулся, но спать некогда, на фирму пора, а то отец мне выговор сделает.

— Привет, отец, я не опоздал?

Он вздохнул.

— Валерий, устал я что-то, здесь заказ пришёл, квартиру

люди купить хотят, давай забирай, показывай, тут три варианта, какой им понравится, тот и оформишь, вернее, не вариант, а квартиру.

Назначил встречу на 14:30, пока три квартиры показал, выбрали одну, слава богу, приехал в офис, отец ещё здесь. Интересно, а та уборщица будет сегодня пол мыть? Что-то не видно никого.

— Ну что ты там, Валерий? Понравилась клиентам хоть одна квартира?

— Да. Оформлять завтра начну.

С моим юридическим образованием это недолго.

— Хорошо. Оформляй.

Начались мои трудовые будни, мотаюсь то сюда, то туда. А где же Светлана? У кого бы спросить. О, только подумал, в кабинет вошла уборщица... Нет, это не Жукова. Эта не молодая.

— Скажите, а Светлана Жукова, она что, не работает больше?

— Света? Нет, она неофициально числилась, на подработке. Дня три уже нет, сказала, что не будет больше здесь работать.

Не будет. Снова из-за меня. Учиться из-за меня бросила, теперь вот работу. Вышел из офиса, где теперь найти Светку, хоть поговорить бы, нахамил в прошлый раз, извиниться надо бы. Впрочем, и она меня хорошо... Шваброй. Интересно, до скольких ЗАГС работает? На развод заявление подать

надо. Ладно, онлайн на что? Сегодня отправлю.

Часть 2. Нателла Букина.

Нателла после разговора с Валерием места себе не находила: «Этот нищеврод развестись хочет? Да другой бы счастлив был, что обладает такой женщиной, как она, а этот... Нет, надо папе позвонить».

— Аллю? Нателла? Что случилось? — Папа как почувствовал, что у дочки неладно.

— Проблемы у меня начинаются, пап. Сама не пойму, в чём дело, Валерий завёл разговор о разводе, и мне показалось, что он серьёзно хочет развестись.

— Что? Он там что, сопляк, себе позволяет? Пусть попробует, я его голым оставлю!

— Так он и сказал, что уйдёт сам, остальное мне всё оставит.

Отец с минуту молчал.

— Да? Ну раз так, пусть катится ко всем чертям, путь свободен. — Ругнулся Звонцов на зятя. — Нашла тоже мужа. Говорил тебе, не выходи за него, а ты: «Люблю». Налюбилась?

— Пап! Мне тогда казалось, что люблю, а сейчас не знаю... Мне кажется, он где-то ту девку свою встретил, поэтому решился на развод.

— Какую ещё девку?

— Была у него, помню, Светка зовут, фамилию не знаю. Что делать, тоже не знаю.

— Я поговорю с ним, никуда твой суженый не денется от нас. Не переживай Натка, в беде не брошу.

Нателла попрощалась с отцом, маме привет передала, «надо будет доехать до них, давно не была», — подумала она.

Глава 3. Светлана Жукова.

Хоронили маму хмурым сентябрьским днём, накрапывал дождь, и мы стояли на кладбище, прощались с дорогим человеком. На папу смотреть невозможно, он сильно сдал за два дня, подкосила его мамина смерть. Мы с Катей тоже третий день плачем. Жаль, очень жаль.

Поминали в «Ласточке», кафе недалеко от нас, народу было достаточно, родственники, сотрудники, друзья, соседи.

Все выражали соболезнования, говорили добрые слова утешения, а мы до того, видно, устали, что ни есть, ни пить не хотелось. Сейчас бы лечь в постель, укрыться одеялом и пережить своё горе. Если его можно пережить.

— Мам, дедушка чай пить зовёт. — Дочка подошла ко мне, после поминок мы немного отдохнули.

Катя обняла меня.

— Пойдём, моя хорошая, попьюм.

Чай пили молча, говорить не хотелось, хотелось плакать, я вообще духом упала, что со мной никогда не было. Я никогда не падала духом, бывали минуты слабости, но я знала что дома меня ждут мама и папа, любят меня такой какая есть, поддержат всегда в трудную минуту.

Теперь только папа.

— Надо завтра утром съездить на кладбище, Свет, тради-

ция такая, первый завтрак.

— Сам сможешь машину вести? Я, наверное, не смогу, пап, ты не представляешь, как мне плохо.

Это была чистая правда.

— Доедем, не переживай, ночь отдохнём, сил прибавится.

— ответил он.

Девочка моя сидит со мной, а я ничего не вижу, пелена перед глазами.

— Мам, не плачь. — Катя успокаивает меня.

— Я не плачу, принцесса ты моя, слёзы сами текут. Сама не знаю почему, но я сейчас успокоюсь.

Утром мы поехали на кладбище, побыли у могилы мамы, к бабушке зашли. Там побыли немного, а родители папы на другом кладбище похоронены.

— Поедем, девчонки, домой. Завтра на работу тебе, Свет, Катюше в школу, а я... Тоже выйду из отпуска, не смогу сидеть дома, одну неделю отбыл... Хватит. На работе легче мне будет.

Я понимала его. Конечно, легче. Сейчас тяжело, но жить надо. Да, горе схватит за горло, думаешь, не вырвешься, а пройдёт время, вроде и жить можно, любить можно, смеяться.

Мы тоже с Катей завтра пойдём, она в школу, а я на работу. Надо жить, надо работать, тогда и отвлекаться будешь от

грустных мыслей.

— Да, пап. Надо жить. Сейчас давайте спать, сил ни моральных, ни физических не осталось. Ложись, пап, утро вечера мудренее.

Утром выпили кофе, есть не хотелось.

— Ну как ты? Маму не видел во сне? — поинтересовалась у него.

Папа что-то собирал в пакет.

— Нет, не видел, собрал вот с мужиками, помянем ещё раз мать, бутылку водки взял. — ответил он. — Ты тоже возьми, пусть девчата твои помянут.

— Возьму на пекарне свежий пирог, сок куплю. У нас в аптеке сам знаешь какие работают женщины, непростые. Мария Фёдоровна, аптечный бизнес, ладно, пап, разберёмся, да и водка не для нас, вина куплю.

— Как угодно. Вы скоро? Впрочем, что же, я поехал.

— Счастливо отработать день. — Пожелала ему.

Он того же нам пожелал и вздохнул.

— Да я бы и в ночь остался, эх, Света, как мне муторно. Тридцать лет вместе, почти тридцать, и всё рядышком, посмотрю, мужики разводятся, да и удивлюсь. У меня и мыслей никогда не было о разводе. Ладно, пока, девчонки.

Папа прижал нас к себе.

— Пока дедушка не расстраивайся сильно, не надо.

Катя успокаивает своего любимого дедушку, он улыбнулся.

ся.

— Не буду, Катюш, а ты учись хорошо, не огорчай учительницу, веди себя прилично, ты Жукова. А Жуков знаешь кто был?

— Знаю. Ты мне говорил, Жуков — маршал Победы. — Засмеялась тихонько Катя, дедушка тоже невесело улыбнулся.

— Смейся, мой колокольчик, тебе рано грустить. — Потрепал Катю по головке. — Красавица.

Красавица... Есть в кого, папа-то у неё очень даже красавец.

— Пока, мам. — Дошли до школы.

— Пока, дочь, я приду за тобой, жди. — Обняла её, мне сейчас поддержка нужна, и эта поддержка — Катя. Маленькая моя, что ей там? Семь лет только.

Зашла на круглосуточную пекарню, пирог свежий купила, вино ещё не продают, да я из дома прихватила, давно стоит, не помню, когда покупала.

— Света? Я думала, ты сегодня не выйдешь. — Обняла меня Валентина Фёдоровна. — Прими мои соболезнования.

— И мои тоже. — Лида кивнула головой. — Жаль.

— Все мы люди смертные, и никто не знает своего часа. — Мария Фёдоровна права, умом это понимаю, а сердцем принять не могу.

Поставила на стол пирог, вина, блины из дома принесла.

— Давайте помянем Анну. — Пригласила за стол.

— Новопредставленную Анну. — Вдохнула наша заведующая. — Идём, Лида, ты, наверное, и позавтракать не успела.

— Нет, спешила, тётъ Маш.

Молча выпили по глотку, поели, царствие небесное сказали. Всё. Работать надо. У них свои дела, у меня свои.

В обед за дочкой ушла, привела домой. Пока она переодевалась, еду ей подогрела, накормила.

— Мам, я с тобой, дома одна не хочу. — Катя посмотрела на меня, как будто спрашивая: «Можно?»

Конечно можно, одной сейчас в доме оставаться страшно. Мне и то как-то тяжело. Пришли с ней в аптеку, я посадила её в подсобке, сама налила воды в ведро, пол мыть пора. Не успела выйти, Мария Фёдоровна зашла.

— Катя? Маме помогать пришла? Умница.

— Дома одна боюсь оставаться, вот с мамой пришла. Здравствуй, Мария Фёдоровна.

— Здравствуй, Катюш, идём ко мне в кабинет, что ты здесь среди швабр сидеть будешь. — Предложила она. — Свет, я её заберу?

— Ладно. Катя, ничего Марии Фёдоровны в кабинете не трогать, сидеть читать. Или картинки смотри. Веди себя хорошо.

Я стала убираться в аптеке, Лида уже домой собралась,

когда я слышала её голос.

— О, Валерка! Ты что, заболел? Привет.

Мыла полы, даже не обернулась, но когда слышала голос, чуть швабру из рук не выронила.

— Привет, Лид. Голова разболелась, решил забежать к тебе, вылечишь?

— Запросто. Идём, сейчас обезболивающую выпьешь, и всё пройдёт. Свет, подай водички нашему больному. — Обратилась она ко мне.

Достала из холодильника бутылку воды, подала ей. Всё это делала молча, не глядя ни на Лиду, ни на Валерку.

— Мы уже закрываемся скоро. Как у тебя дела, Валер? Как работа?

— Нормально, работа, дела тоже нормально, а у тебя?

Валерка говорит с Лидой, а сам смотрит на меня, боковым зрением заметила.

Сейчас помою, и бежать надо, видеть этого Букина не хочу, зла не хватает, ещё сюда припёрся. За добавкой, что ли? Это я могу, швабры не жалко.

— Мама, ты уже всё? Мария Фёдоровна домой собирается. — Катя прибежала.

— Сейчас домою пол, и пойдём.

Странно, но Валерка ни слова мне плохого не сказал, он вообще ничего не сказал, только смотрел на Катю во все глаза. «Смотри, смотри, сволочь, может, знакомые черты найдёшь».

Уже подходили с дочкой к дому, Букин догнал нас.

— Свет, подожди. Куда спешишь?

Куда спешишь... Ты, смотрю, никуда не спешишь, ни к любимой жене, ни к счастью.

— Домой спешу. Что тебе нужно? — недовольная его появлением, сейчас не до этого.

Он снова посмотрел на Катю.

— Поговорить хочу. Очень хочу... Пожалуйста. — Ты смотри, то смеялся, издевался, то «пожалуйста».

— У меня нет времени на пустые разговоры, да и говорить нам не о чем. Пойдем, Катя, сейчас дедушка приехать должен. — Обратилась к дочке.

Мы зашли в подъезд, оставив Валерку с его разговором возле двери. Катись отсюда, придурок, с тобой говорить никто не собирается, домой приедешь, с женой говори.

— Мам, а кто этот дядя? — спросила Катюша. — Ты знаешь его? Он тебя Света назвал.

— Так, знакомый, «этот дядя». Когда то учились вместе. Катюша, нам надо супчик сварить, нам некогда говорить с дядями. Так ведь?

Она кивнула головой.

— Да. А от него таким одеколоном пахнет, мам... От Мишкиного отца такой же запах.

— Какого Мишки? — удивилась я. — Миши, наверное. Кто этот Миша?

— У нас в классе мальчик учится, его Миша зовут, папа у него крутой, он так сказал. А как это крутой? А, мам?

— Наверное, богатый, вот и крутой.

— Тогда и этот богатый, который с тобой говорил. — Сделала заключение дочка.

Наверное, богатый, только этот богатый не понимает, что он женат и говорить с чужими тётями ему по статусу не полагается. И маме твоей не поздоровится, если его жена узнает, что муж её приходит сюда. Плохо то, что он теперь знает, где я живу, мы живём.

Папа приехал поздно вато, поужинали. Он купаться пошёл, сказал: «Смою с себя весь негатив». Мы с Катюшей уже смыли.

— Ты домашнее задание сделала, Кать?

— Да, я всё сделала. Там нам только крюпочки задавали по письму. Я старалась, вот смотри.

В тетради в косую линейку аккуратно выведены крючки. Старательная моя. Учись, Кать, моих ошибок не повтори.

— Умница. Будешь стараться, будешь хорошо учиться, не будешь, как мама, шваброй махать, человеком грамотным станешь.

— Мам, я буду хорошо учиться, обещаю. Сейчас ещё сказку читать вам с дедушкой буду. Или он устал?

— Мы спросим у него, Кать.

Всё же Катя нам читала «Морозко», читать-то она уже

умеет.

— Ну вот, внучка, дед в детство впал. Читай, я сказки люблю.

Катя читала, дедушка слушал, но недолго, уснул, захрипел. Устал дедушка.

Мы выключили свет и пошли в свою комнату, дочка и мне читала, а потом спросила:

— Мам, а на выходных пойдём в парк? Покатаюсь на карусели.

А как же не пойдём, пойдём.

— Пойдём, и дедушку с собой возьмём, пусть немного отвлечётся от грустных мыслей. Правильно?

Она задумалась, положила мне на плечо голову.

— Мам, а почему люди умирают? Почему они всегда не живут?

Вот вопрос, дочка, этот вопрос не ко мне.

— Так человек устроен, Кать, вот будешь биологию изучать, узнаешь. Человек тоже изнашивается, органы перестают работать в полную силу, человек стареет и в результате... умирает. А бывает, что заболит, вот как наша бабушка.

— А я не хочу умирать...

— О... Ты вообще о смерти не думай, Кать, давай жить? Это же так хорошо.

— Давай. — Обрадовалась она. — Мне нравится жить, учиться, приходить домой, с тобой в аптеку ходить. Завтра тоже пойду.

Пойдёшь, конечно, куда же я тебя дену, девочка, только вот... Твой биологический отец меня беспокоит. Что ему надо? Может, отстанет? Может, ему Катя вовсе не нужна, а я переживаю.

Но с этого дня жизнь моя превратилась в... Не знаю, как назвать. Драма какая-то. Валерка каждый день приезжать стал в аптеку, иногда заходил поговорить с Лидой, но больше ждал, когда выйду я. Мне становилось с каждым днём труднее и труднее, Мария Фёдоровна подозрительно смотрела и на него, и на меня, Лида, видно, что-то знает, но молчит. Валерка снова пытался поговорить, но я избегала этих разговоров, в корне пресекала. Ездил, пока всё не закончилось страшным скандалом.

Время приближалось к обеду, я уже за Катей собиралась идти, как в аптеку вошла Нателла...

— Вот, значит, где мой муж пропадает каждый вечер? Ты, прачка! Шлюха! — Это она на меня. — Ты что возомнила о себе? Думаешь, он к тебе уйдёт?

Я замерла на месте, это элита ругается так, как пьяная скотница?

— Нателла? Ты что говоришь? — Мария Фёдоровна побледнела.

Та повернулась к ней.

--- А ты старая сводня куда смотришь? Куда старая дура глаза дела? За очки спрятала? На твоих глазах семья пле-

мянника рушится, а ты ещё масло в огонь подливаешь?! Набрала шлюх на работу!

Тётя Маша ухватила за сердце рукой, тут Лида вошла, она выходила куда-то.

— Ты что творишь, Наташка! Я сейчас полицию вызову!

Нателла, как разъярённая львица, чуть в горло ей не вцепилась.

— Ты, малолетка, имя моё сначала правильно научись произносить, а потом рот открывай. А тебя я предупреждаю, если ещё раз с моим мужем увижу, на себя пеняй. Зачем к тебе Валера ездит? А? — Это уже ко мне.

— А ты вот у Валеры-то своего и спроси! Ко мне какие претензии? Я к нему не езжу. — Ответила ей.

Нателла задохнулась от злости, и в эту минуту в аптеку влетел Букин. Молча схватил её за руку и поволок к выходу. Когда они вышли, я села на стул.

— Это я Валере позвонила, сказала: «Забери из аптеки свою сумасбродную жену, она здесь скандал устроила, кричит, обзывается». — Лида покачала головой.

В аптеке на несколько минут воцарилась тишина.

— Я не поняла, она что, Валеру к тебе приревновала, Свет? — Тётя Маша, всё ещё бледная, смотрела на меня.

Что вам сказать? Наверное, заревновала, он, выходит, повод дал. Придётся уходить, вторую работу из за Букина терять. Господи, что мне делать?

— Мария Фёдоровна, я уволена? — тихо спросила.

Да теперь как мне здесь работать?

— Зачем? Пошла она к чёрту! Пусть разбираются как хотят, а ты здесь ни при чём. — Выругалась тётя Маша, помолчала немного. — Это какой надо быть душой, чтобы вот так? Давайте на обед девчонки, после поговорим. Свет, тебе за Катей не пора?

Ой, правда, за Катей бежать надо.

Перед закрытием Букин снова приехал, вошёл расстроенный.

— Извините за всё. Не думал, что она... Так... — Он виновато посмотрел на меня. — Свет, мне поговорить надо.

Поговорить тебе надо? Да пошёл ты со своими разговорами, с женой твоей наговорила, наслушалась её хамства.

— Отстань ты от меня! Никаких разговоров! Поезжай к жене. Да что такое? Мне теперь и отсюда уволиться придётся. Откуда ты свалился на мою голову?!

Тётя Маша присела, Лида, наверное, давно всё поняла, Катя смотрела то на меня, то на Валерку, то на тётю Машу, то на Лиду и не могла понять, что происходит, почему мама ругается на «этого дядю».

— Идём, Катя. Домой пора. — Взяла дочку за руку и вышла из аптеки.

Вот влипла! Не было печали... Тут так сил моральных никаких, ещё скандал. Какая жена-то у Букина... Дурь ходячая. Больше слов нет. Катя шла молча, ни о чём не спрашивая,

понимая, что мама расстроена.

В аптеке.

Мария Фёдоровна посмотрела на племянника.

— Валера, присаживайся сюда и рассказывай всё, я ничего не понимаю. Почему сюда приехала твоя жена, почему меня старой сводней и дурой назвала? Зачем Светлану обозвала шлюхой, которая мужа её хочет увести?

Валерий наклонил голову. Что тебе, тётка, рассказать? Да и надо ли?

— Светлана — моя бывшая девушка, а Катя... Моя дочь. Я как увидел девочку, всё понял сразу, она ведь на меня похожа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.